

Тенденции в исследованиях цифровой этики (обзорный анализ современных исследований)

Максат А. Садвокасов^{1*}, Кульшат А. Медеуова²

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Автор для корреспонденции:

¹bigmax82official@gmail.com

²mkulshat@mail.ru

¹<https://orcid.org/0000-0002-0800-8694>

²<https://orcid.org/0000-0001-8860-9678>

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2023-143-2-248-268>

Аннотация. В статье представлены дискуссии о феномене цифровой этики. Рассматриваются термины, понятия, категории и критерии, используемые в цифровой этике, в зависимости от поля функционирования – информационная этика, компьютерная этика, прикладная этика. Сопоставлены культурные, социальные, производственные, философские и этические аспекты функционирования цифровой этики. Отдельным кейсом рассмотрено воздействие цифровой этики на вопросы межличностной коммуникации, в том числе через описание позитивных и негативных сценариев использования цифровой этики.

Дано описание генезиса предшествующих, ранних, исторических исследований, подходов, практик, идей, концепций, затрагивающих этическую проблематику, в особенности цифровую этику. Осуществлено разрешение противоречий между западными и восточными этическими традициями, применяющимися к цифровой этике. Охарактеризованы препятствия, раскрывающие суть слабой организации этических постулатов. Оформлена и осознана необходимость унифицированной сети прикладных документов регулятивного характера по цифровой этике в целях социального благополучия. Приведены примеры из вариативных слоёв человеческой жизни, позволяющие аргументировать о ссылке на цифровую этику или этику вообще. Сделан вывод о развитии этических концептов как о перспективном направлении со значительными эволюционными тенденциями. Осуществлено описание методов, принципов и функций, которые может использовать общество для дальнейших исследований в данном русле.

Ключевые слова: цифровая этика; информационная этика; межкультурная информационная этика; теория справедливости; цифровое пространство.

Received 23.04.2023. Revised 15.05.2023. Accepted 26.05.2023. Available online 30.06.2023.

For citation:

Sadvokasov M.A., Medeuova K.A. Tendencies in Digital Ethics Research (overview analysis of modern research) // Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2023. – Vol. 143. – № 2. – P. 248-268. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2023-143-2-248-268>.

Для цитирования:

Садвокасов М.А., Медеуова К.А. Тенденции в исследованиях цифровой этики (обзорный анализ современных исследований) // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилёва. Серия Исторические науки. Философия. Религиоведение. – 2023. – Т. 143. – № 2. – С. 248-268. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2023-143-2-248-268>.

Введение

Цифровизация современной жизни является наиглавнейшей текущей тенденцией, изменяющей человеческий мир. Несмотря на единодушие в возможностях и перспективах развития цифровой этики, авторы, занимающиеся исследованием цифровой этики, имеют определённые разночтения в том, как следует понимать сущность, структуру, значения и функциональные особенности цифровой этики.

Исследованиям в области цифровой этики придавали внимание авторы, объясняя суть своих концепций, теорий и направлений через отдельные функции, приписываемые цифровой этике.

Например, непосредственно цифровая этика фигурирует в трудах А. Люка (Luke, 2018: 186), Р. Уайтинг и К. Причард (Whiting, Pritchard, 2017), в то время как Р. Капурро рассматривает и вышеописанное явление (Capurro, 2009), и информационную этику как последующую после компьютерной (Capurro, 2008). Одновременно последним двум категориям также уделяет внимание философ, специалист в области информационной этики и информационной философии Л. Флориди (Floridi, 1999).

Косвенный вклад в развитие цифровой этики и этики в целом внесли английский поэт, писатель и мыслитель Джон Мильтон, выставивший значительные аргументы о фундаментальных правах в работе «Ареопагитика» (Мильтон, 1997), израильский профессор и историк-медиевист Юваль Ной Харари, объяснивший по-своему насущные вызовы человечества (Харари, 2019), американский философ Джон Ролз, идеализировавший теорию и общество справедливости и использовавший реформистский подход к этике (Ролз, 1995), а также немецкий философ, филолог и культурный критик Фридрих Ницше, интерпретировавший истину и её концепции в «Об истине и лжи во вненравственном смысле» (Ницше, 2013), немецкий социолог, историк и политический экономист Макс Вебер, затронувший этику в работах о науке

(Вебер, Наука как призвание и профессия, 1990) и политике (Вебер, Политика как призвание и профессия, 1990) и итальянский учёный, философ и семиотик Умберто Эко, рассмотревший развитие американской империи и среду массовой культуры с семиотической точки зрения (Эко, 2021).

По мнению автора ряда книг по образовательной политике и педагога Аллана Люка, роль цифрового пространства имеет высокую значимость до такой степени, что цифровые последствия часто выходят за рамки действий людей. Среди рассматриваемых явлений автором выделяются: передача комплексной технической информации, конструкция сообществ, решение сложных проблем, трансформация социального действия в положительное или отрицательное. Как описывает сам автор: «Как могло быть иначе? Всё это здесь онлайн – высказывания, изображения, звуки; акты ненависти и любви, войны и мира, запугивания и ухаживания, правды и лжи, насилия и заботы, угнетения и освобождения – и в каждом возможном третьем или четвертом пространстве, во всё возрастающей избыточности, прорезаемом шумом и беспорядком» (Luke, 2018: 186).

Начиная с ключевого определения цифровой этики, авторов можно разделить на несколько больших групп. Первые, среди которых исследователи из Биркбека, Лондонского университета Ребекка Уайтинг и Катрина Причард, изучают феномен с точки зрения бизнеса и менеджмента, хотя авторы «опираются на полезные источники по целому ряду дисциплин» (Whiting, Pritchard, 2017: 3). Другие, например, Лучано Флориди (Floridi, 1999) и Рафаэль Капурро (Capurro, 2009), описывают понятие через философскую призму. Третьи, такие, как Аллан Люк, сопоставляют цифровую этику с педагогическими преимуществами (Luke, 2018: 185).

Исследователи Р. Уайтинг и К. Причард дают описание феномена цифровой этики как этического рассмотрения в исследовании, утилизирующего сетевую активность и многообразные установки. По их словам, цифровая этика относится «к

этическим соображениям в исследованиях, в которых используются и/или изучаются действия и настройки в Интернете» (Whiting, Pritchard, 2017: 2).

Также Р. Уайтинг и К. Причард выделяют в самой цифровой этике новую методологию работы с данными в поле бизнеса и менеджмента (Whiting, Pritchard, 2017:2-3). Среди достоинств авторы называют транзит с традиционной классификации первичных данных, базирующихся на прямом участии исследователя, к новому методу, основанному в большей мере на интерактивности, косвенных связях и вкладе остальных участников (Whiting, Pritchard, 2017: 5). Также они отдельно упоминают об увеличенных гарантиях и шансах на воздействие учёного с укреплением Интернет-пространства (Whiting, Pritchard, 2017: 8).

Цифровая этика, по словам Аллана Люка, является нормативными принципами действия и взаимодействия в цифровой среде, особенно в контексте размытия границ между реальным и виртуальным, реальным и символическим. В контексте проблем, поставленных автором, это применяется, прежде всего, в отношении правил и регуляций, наделяющих детей правами и обязанностями, свободами и запретами (Luke, 2018: 186).

Можно утверждать, как будто бы цифровизация в целом создаёт определённые преимущества с целью диверсифицировать мир, привносить новые возможности для коммуникаций, усилить прозрачность разных социальных процессов, актуализировать ранее незаметные проблемы общества, культуры, политики.

Немаловажной является точка зрения об этической рефлексии, возникшей под воздействием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Так, философ Рафаэль Капурро выделяет несколько значимых их достоинств, среди которых – транзит с традиционных, закрытых отношений к большей эгалитарности и доступности, а также высказывание и интерпретация политических и общественных взглядов обществом. Поскольку социум стремится

к большей открытости, тот стремится образовать большую коммуникационную инфраструктуру. Это осуществляется при помощи средств ИКТ, в конечном счёте приводя к «медиаократии» (Capurro, 2009).

Р. Капурро считает, что ИКТ позволяют людям более активно участвовать в политической и общественной жизни, высказывая собственные взгляды. По мере развития общества оно становится более открытым и образует большую коммуникационную инфраструктуру. Всеобщая декларация прав человека юридически защищает его основы для утверждения внутреннего начала – свободу доступа, слова, прессы, самовыражения и т.д. (Capurro, 2009).

Философ Рафаэль Капурро предусматривает наличие информационной этики, являющейся, на его взгляд, синонимом цифровой этики. В целом, информационная этика, по его мнению, существует в двух смыслах: широкий определяет воздействие с точки зрения самих информационно-коммуникационных технологий на социум и окружающую среду, а узкий даёт направления для более частных вопросов, таких, как, например, интернет и коммуникационные средства. Наиболее распространённые вопросы, среди которых проблематика частной жизни, цензуры, робототехники и т.д., автор посвящает разделу межкультурной информационной этики (Capurro, 2009).

Категоризация, предложенная Капурро, зависит от среды – социальной, культурной или экономической. Этика исследует и анализирует различные проблемы информационно-коммуникационных технологий, в частности вызовы конфиденциальности, государственного управления, гендерную асимметрию, здравоохранение, цифровой разрыв и т.д. Важным вопросом в этом отношении является касающийся универсальности ценностей и локальности культур и наоборот, связанный с проблематикой гомогенизации или гибридации, а также познания взаимодействий между информационными культурами (Capurro, 2008).

Но с другой стороны, усиливающаяся цифровая проницаемость в общечеловеческой повседневности заставляет многих задуматься о следующем вопросе: действительно ли цифровизация считается благом?

Другим спорным вопросом является вопросотом, действительно ли прозрачность общественных процессов способствует лучшему пониманию механизмов социальной справедливости так, как об этом писал Дж. Ролз (Ролз, 1995). А также насколько для современных исследователей важно работать с актуализацией новых социальных проблем, если по отношению к старым ещё не найдены релевантные способы решения. Эту проблему хорошо описывают авторы, которые работают с большими данными. Информация ради информации не является безусловным способом понимания.

В настоящее время с учётом научно-технического прогресса утилитаризируются новые способы понимания особенностей информации и новых медиа. Относительность, утверждающаяся в многомерном поле, позволяет увидеть многообразие человеческих практик.

С другой стороны, во введении важно отметить, что в истории науки люди сталкиваются с периодической трансформацией фундаментальных категорий, к которым, несомненно, относится и этика. Поэтому часть дискуссий, которые будут анализироваться в данной статье, коснутся вопросов отличия современной цифровой этики от традиционной, а также разделения между сущностными и случайными применениями принципов цифровой этики.

Одним из примеров является этика, на данный момент не имеющая единого, универсального представления, и сама по себе разделённая на множество теорий и подкатегорий. В то же время возрастание различных интерпретаций может рассматриваться как весьма существенное. Умберто Эко отмечает, что реальный мир представляет из себя «закрытую» книгу с единственно возможной, если не догматичной трактовкой происходящих

процессов, ибо тот управляется, согласно его утверждениям, законам земного притяжения, в то время как литературный мир более «открытый» для новых толкований. Если произвести проекцию диалектики реального и фиксированного, то можно прийти к большей вариативности взглядов относительно окружающей действительности (Эко, 2021).

С возрастанием возможностей и способностей общества, эволюции многофункциональных устройств, особенно информационно-коммуникационных технологий, равно как и комплексной методологии визуализации цифрового пространства, регулятивные конструкции также подвергаются осмыслению в контексте определённого исторического периода.

В этой статье будут описаны основные элементы дискуссий между этими и другими авторами для того, чтобы лучше понять сам феномен цифровой этики.

Целью данной научной работы является представление и обобщение различных концепций по цифровой, компьютерной, информационной и других видах и типах этики, наблюдение и герменевтика эволюции этических постулатов, реферативное обсуждение дискуссий в среде этики, отображение диверсификации в отношении подходов с меж- и трансдисциплинарных точек зрения, а также рассмотрение воздействия на разные стадии развития и в диверсифицированных общественных кругах.

Материалы и методы

Работа построена на методологии сравнительного, системного, функционального и описательного анализов. Использование данных методов обусловлено природой обозреваемых исследовательских работ, статей и материалов научных конференций. Так, компаративистика приносит возможности для наиболее детального выявления характера цифровой, информационной, компьютерной и других видов и типов современной этики или самой этической мысли с учётом особенных

условий, возникших или действовавших для пунктуального разбора путём противопоставления теорий, концепций, идей и взглядов, а также нахождения релевантности в отдельных работах. Системный метод репрезентирует этическое учение в контексте цифровой этики как единое целое, состоящее из множества отдельных направлений, которыми являются информационная, компьютерная и другие направления этики. Функциональная методология работы ориентируется на частные, в некоторых случаях независимые вопросы более общей темы. Дескриптивизм нацелен на точное рассмотрение и описание этических постулатов в их собственном образе.

Материалы работы состоят преимущественно из научных статей, отдельных книг, фрагментов научных журналов и публикаций, а также цифровых источников.

Результаты

На данный момент в научном сообществе и среди общественных деятелей предлагаются некоторые варианты. Так, Чарльз Эсс в работе Р. Капурро «Межкультурная информационная этика» подчёркивает значимость информированного и уважительного диалога в контексте межкультурной информационной этики, ибо задача межкультурной информационной этики, по его словам, состоит в формулировании и осознании роли моральных кодексов, отвечающих за культурные и моральные различия в обществе (Саригго, 2008).

Останавливаясь на частных моментах цифровой этики, Капурро выводит о необходимости, начиная с небольших мест, в большей степени обращать внимание на место людей в русле прогресса, развития связи между представителями культур и расширять поле функционирования прав человека для достижения общих целей (Саригго, 2009).

Собственный способ улучшения функционирования цифровой этики предлагает А. Люк. Он выдвигает следующие принципы её работы: вопросы

идеологии и общественных отношений, политической экономии коммуникаций и нормативной модели цифровой культуры (Luke, 2018).

Первый принцип позволяет реализовать методологию работы с перформативной этикой, дающей возможность оценить и предвидеть потенциальные или реальные последствия цифровых технологий и коммуникаций, а также укреплять навыки критической грамотности (Luke, 2018: 192-193).

Второй изучает особенности цифровой этики в контексте политической экономии, корпоративной или государственной собственности, анализирует причины информационной асимметрии и отсутствия нейтральности и объективности, опираясь на основы работы капитала, вследствие чего возникает потребность в утверждении этики (Luke, 2018: 193-194).

Третий опирается на трансформации подходов цифровой этики и её перцепции в школьных институтах с табуированной в утилитарно-прагматическую – интерпретации моральных базисов для использования цифровой коммуникации во благо различных слоёв общества (Luke, 2018: 194-195).

С практической стороны это даёт большую широту относительно состояния цифровой этики и её культуры. Достижение, по мнению автора, происходит за счёт нескольких факторов, таких, как равный доступ, константный диалог касательно индивидуальных и коллективных консеквенций повседневных действий, связанных с цифровыми ресурсами и социальными сетями, критического подхода к семантической составляющей цифровых архивов, а также использования их для кооперации старых и новых сообществ, выражений мнений и обмена различными идеями (Luke, 2018: 185).

Джон Ролз объясняет принцип справедливости таким образом: методология функционирования всегда опирается на два принципа – обладание индивида равным правом свобод (комплексов прав и обязанностей от институтов), совместимым со свободами остальных, с учётом нарастающей

ответственности впоследствии, равно как и обеспечение открытости и выгоды в отношении меньшинства при организации социальных и экономических неравенств. Это осуществляется различными путями, например, при помощи принципа различия, дающего гарантии большинства меньшинству, а также способного трансформировать положение человека в обществе (Ролз, 1995).

В качестве основы Ролз выдвигает иерархию из четырёх составляющих, необходимую для укрепления собственной позиции о справедливости: исходное состояние, определение конституции, законодательство и применение правил. Исходным состоянием автор называет честную процедуру, гарантирующую дальнейшую справедливость. Определение конституции отвечает за некоторые нормативы, которые должны быть учтены. Законодательная составляющая существует как законы, разрабатываемые при опоре на конституцию. Аппликация правил рассматривается с подачи судебной властью и администрацией к конкретному делу (Ролз, 1995).

Для обозначения собственной позиции Макс Вебер вводит термины «этика ответственности» и «этика убеждения». Разбирая деятельность политика, он считает, что тот преследует более высокие цели, т.е. определённую этику. В конце работы автор ставит вопрос, должен ли политик следовать этике ответственности или этике убеждений. Следует обозначить, что первая категория даёт основания для консеквенциализма, т.е. последствий и результатов, в то время как вторая приучает к правильным моральным поступкам. Для него вопрос в конечном счёте не может быть решён однозначно, так как, по Веберу, политика делается головой, но не только головой. Он приходит к выводу, что этика убеждения и ответственности не противоположны, а дополняют друг друга, что вместе составляет правильного политика. Одним из существенных аргументов в рамках рассуждений этики считается формальность этики, заключающаяся в установлении одинаковых, гомогенных заповедей ко всем

отношениям, что дополняется отсутствием значимости фактов и отдельных действий (Вебер, 1990).

Этика как процесс у Р. Уайтинг и К. Причард, представленные авторами как новое направление, позволяет, на их взгляд, решить вызовы цифровой этики, так как она аттрактивна со стороны исследователей через процесс выработки уникальных теорий и развитие методологии (Whiting, Pritchard, 2017).

Исходя из вариативности материала, Капурро выводит о необходимости, начиная с небольших мест, в большей степени обращать внимание на место людей в русле прогресса, развития связи между представителями культур и расширять поле функционирования общечеловеческих фундаментальных идеалов для достижения соответствующих целей (Whiting, Pritchard, 2017).

Рафаэль Капурро ключ к исправлению существующих недостатков и асимметрий видит в усилении локальных тенденций на фоне глобальной кооперации через осознание роли моральных кодексов, отвечающих за культурные и моральные социальные дифференциации. Стоит обозначить, что философ пришёл к подобному пути через моральные оппозиции, влияющие также и на информационное поле, между западной демократической мыслью и восточной, в особенности, например, конфуцианской и даосской. Этот подход следует признавать как фундамент межкультурной информационной этики (Capurro, 2009).

Выход из комплексной ситуации, ассоциирующейся с сетью современных проблем, наблюдается и у Харари. Профессор репрезентирует образ подготовленного, защищённого, освоившего многие вызовы человека, который должен принимать различные средства для защиты от интеллектуальной дисперсии. Некоторыми средствами для достижения подобных целей считаются капитал, направленный на затраты в целях поиска истинной информации и интерес к научной литературе. Немаловажным является тот аргумент, выводимый Харари, характеризующий необходимость

в наблюдении человека за собой, его ощущениями и реакцией сознания для организации, структуризации и планирования для более серьезного будущего (Харари, 2019).

Обсуждение

Основания для глубинных рассуждений о цифровой этике коренятся в трудах исследователей. В первую очередь имеет значение выяснить, каким образом функционирует этическое поле и как оно влияет на социальное пространство.

Хронология исследований и наблюдений цифровой этики и её перспектив значительна. Первоначально следовало бы отметить, что с развития прогрессивных тенденций как один из результатов научно-технической революции, а именно середины XX в., велось многочисленное исследование роли этики, её основных положений относительно хронологических промежутков, равно как и была представлена полемика по эволюции теоретических и практических её форм и вариантов. Как отмечает Р. Капурро, проблематика взаимоотношений в этическом поле через вызовы, присущие компьютерным технологиям, анализировалась среди таких лиц, как американский математик и философ Н. Винер и специалист в области информатики Дж. Вейценбаум. Изначально, на его взгляд, дискуссия была сосредоточена на моральной ответственности компьютерных специалистов, однако в последующем, через компьютерные технологии, возник вопрос о потенциальном всеобъемлющем социальном воздействии. В течение последних лет, особенно с появлением и распространением Интернета, академические и социальные дебаты, связанные с областью цифровых исследований, лишь увеличиваются (Capurro, 2009).

В глобальном пространстве, по данным, предоставленным Р. Капурро, широкий дискурс превалирует с самого начала «Первого международного конгресса по этическим, правовым и социальным аспектам цифровой информации»,

организованного ЮНЕСКО в Монако в 1997 г., после чего основное внимание стало уделяться более локальным проектам, например, в двухлетних конференциях САТАС, ETNCOM, EEI21, SEPE и др. (Capurro, 2009).

Существуют случаи, когда вызовы цифровой этики более всего отражаются в конкретных аспектах человеческой жизнедеятельности. Так, в работе А. Люка развитие общества опередило осознание этикой собственной роли в образовательном сегменте, в результате чего молодое поколение не способно в полной мере осуществить анализ диалектических категорий, некоторые из которых составляют правда и ложь, репрезентация и искажение, правильное и неправильное и т.д., равно как и обосновать роль внешних факторов на составление и комплектование информации с учётом её последующей перцепции окружением (Luke, 2018: 1). Подобная проблема, в основе которой лежит подход «гибридной идентичности», разобрана и в исследованиях Пехтер и описана Р. Уайтинги и К. Причард следующим образом: «Её отчет описывает проблему разделения профессиональной и личной идентичности в этом этнографическом исследовании. Такая двойная роль внутри Интернет-сообщества позиционирует исследователя как инсайдера (постоянного участника форума) и одновременно как аутсайдера (исследователя, наблюдающего и анализирующего сообщество)», «Это включало в себя этическую ответственность не смешивать эти две роли с тем, чтобы «люди не боялись того, что сказано [ей] в [её] псевдонимной роли, будет включено в исследование» (Whiting, Pritchard, 2017: 23). Авторы также упоминают риск исследователей стать самими исследуемыми в результате большего участия в исследованиях в социальных сетях (Whiting, Pritchard, 2017: 22).

Последние авторы, несмотря на активное исследование тенденций цифровой этики, одновременно отрицают существование некоего «этического кода», предпочитая обращать внимание на различные институты. Более того, данный контекст описывает механизмы взаимодействия

в рамках исследовательской этики, зависящие от специфических институтов (Whiting, Pritchard, 2017: 4).

Наблюдение за процессами, дающими существенное функционирование цифровой этики, приводит к обращению к принципам справедливости с тем, чтобы в большей мере рассмотреть внешние явления и условия. Американский философ Джон Ролз предлагает в качестве собственного взгляда связь с «теорией справедливости». Согласно ей, полагает Ролз, принципы социальной справедливости есть принципы, регулирующие распределение выгод среди членов общества, с учётом того, что привилегии меньшинства не должны также ущемляться в пользу большинства. Несмотря на то, что люди могут полагаться и на собственные интересы, тем не менее, они, в основном, действуют относительно общественного блага. Структура общества и взаимосвязь со способами взаимодействия являются приоритетными субъектами справедливости. В целом, наиболее полная реализация справедливости подчёркивается в социальном идеале и доктрине справедливости, подразделяющейся на более частные принципы (Ролз, 1995).

Принцип справедливости, исходящий из ключевой структуры общества, интерпретируется Ролзом также касательно институтов – любых значимых образований, с их беспристрастным характером. Существование включает некоторые способы поведения, принятые членами общества и составляющие одну из значимых опор. Методология функционирования всегда опирается на два условия – обладание индивида равным правом свобод (комплексов прав и обязанностей от институтов), совместимых со свободами остальных, с учётом нарастающей ответственности впоследствии, равно как и обеспечение открытости и выгоды в отношении меньшинства при организации социальных и экономических неравенств. Это осуществляется различными путями, например, при помощи принципа различия, дающего гарантии большинства меньшинству, а также способного трансформировать положение человека в обществе. В данном контексте этика

обосновывается в несколько ином ключе (Ролз, 1995).

Как описывает сам автор: «Но всё же общество, удовлетворяющее принципам справедливости как честности, приближается к идеалу общества, основанного на добровольной схеме настолько, насколько это вообще возможно, потому что оно основано на принципах, которые свободные и равные личности должны принять при справедливых обстоятельствах. В этом смысле его члены автономны, и осознаваемые ими обязательства налагаются добровольно» (Ролз, 1995).

Философ и профессор Оксфордского института Интернета, действующего при Оксфордском университете, Лучано Флориди обосновал приоритетный характер проблем в этике. По его словам, важность рассмотрения для философского поля лежит в доминирующем относительно этических разработок характере технологических трансформаций, вызвавших «политический вакуум», исходя из практических соображений, возникающих в информационном обществе (Floridi, 1999: 38).

Израильский профессор Юваль Ной Харари в контексте особенностей иудаистской традиции рассматривает ненасилие и порядок в качестве основных принципов этики вообще. Дополнительно он утверждает, что ранее в качестве этики особую роль играла вера в бога, отсутствие которой сказывалось на морали и позволяло обществу погрузиться в хаос (Харари, 2019). Функцией морали – одной из составляющих этики, – по его мнению, является «уменьшение страданий». Как пишет автор: «Если вы понимаете, что ваши действия причинят ненужные страдания вам или другим людям, то естественным образом постараетесь от них воздерживаться. Тем не менее люди убивают, насилуют и крадут, имея лишь поверхностное представление о страданиях, вызванных этими поступками. Они сосредоточены в первую очередь на удовлетворении своей похоти или жадности, не думая о последствиях для других – или отдалённых последствиях для себя. Даже инквизиторы, сознательно причинявшие

боль жертве, обычно использовали разные приемы дегуманизации и понижения чувствительности с тем, чтобы не принимать близко к сердцу то, что они творили» (Харари, 2019).

Умберто Эко прямо не рассматривает этику, однако высказывания в области трансформации общества под внешними факторами чётко отслеживается, что даёт возможность для исследования этики в отдельных случаях. Утверждение позиции автора можно проследить на примере голографии: «Голография не может не процветать в Америке – стране, одержимой реализмом, где для того, чтобы изображение было убедительным, оно должно быть непременно каноничным; идентичной, визуально точной копией представляемой реальности» (Эко, 2021).

Лучано Флориди описывает информационную этику как следующую ступень после компьютерной этики, имеющей ряд существенных отличий от предшествующей. В частности, амбивалентный характер компьютерной этики, по мнению Флориди, имеет в своей структуре не информационные вариации старых моральных ошибок, но в большей степени аналогичную относительно имевшихся недостатков этическую линию, с вопросами которой общество имеет возможность сталкиваться (Floridi, 1999: 2).

Помимо вышесказанного, информационная этика, следующая за компьютерной, по мнению автора, нацелена на однородность становления, бытия, небытия и окружающей среды, рефлексивность и неизбежность информационных процессов и др. Развитие особенностей информационной этики взаимосвязано с двумя категориями, определяемыми Флориди, – информацией и энтропией, основные характеристики которых антонимичны и четырьмя основными принципами относительно последней: противодействие созданию энтропии в информационной среде, необходимость её превенции и нивелирования, равно как и продвижение информационного благополучия через разнообразие, качество и количество, причём указанные законы располагаются в

порядке возрастания моральной ценности. Энтропия же понимается автором как количество, специфицирующее некоторое количество беспорядка, регресса или казуальности в системе, имеющей в себе энергию или информацию. Влияние на информационную этику происходит следующим образом: чем больше в информационном пространстве богатства и семантики, тем меньше её энтропия. Иначе говоря, как считает автор, некоторые факторы, среди которых неравномерное или нерациональное указание, а также изучение причин ошибок людей, или опора лишь на единственный принцип, может привести к значительной асимметрии и возрастанию энтропии (Floridi, 1999: 44).

Информационная этика, с другой стороны, по убеждениям Флориди, является этикой уважения и заботы, в которой субъект старается сместиться в сторону природы и будущего, принимающего определённые действия, усиливая конструктивистские тенденции. Флориди описывает её таким образом: «Хотя это не означает, что ИЭ [информационная этика] достигает полной объективности, это показывает, что ИЭ стремится быть максимально несубъективной и объектно-ориентированной. ИЭ – это этика не добродетели, счастья или долга, а этика уважения и заботы (уважение к пациенту и забота агента). Согласно ИЭ, иногда правильный вопрос, который следует задавать, – это не «каким я должен быть?» или «что я должен делать?», а «что следует уважать или улучшать?», поскольку это и есть «что есть» значащее благосостояние» (Floridi, 1999: 49).

Одним из основных принципов информационной этики, по его мнению, считается большая направленность в сторону антропогенного начала, в сравнении с компьютерной этикой, а также философскими концепциями деонтологизма и контрактуализма, ибо последние не способны решать подобные проблемы (Floridi, 1999: 41).

Диалектика культурного взаимодействия в информационном пространстве исследуется в русле межкультурной информационной

этики Рафаэля Капурро. Высказываясь о самом термине, автор утверждает, что последний сфокусирован и нацелен на исследование влияния информационно-коммуникационных технологий на различные культуры и специфических вызовах, понимаемых с различных культурных традиций. В работе Капурро исследуются Азия, Тихий океан, Латинская Америка, Африка, Австралия и Турция (Carullo, 2008).

В целом межкультурная информационная этика, по словам Капурро, может быть определена в полной мере лишь через сопоставление, координацию, а не вечный антагонизм, исходя из важности плюрализма в контексте действий человеческого разума, ибо изучение природы культурных дисперсий неизбежно порождает многочисленные интерпретации, анализы и само изучение. Так, в узком смысле данное понятие, с точки зрения философа, концентрируется на воздействии ИКТ на разные культуры и понимании конкретных вопросов в соответствующих культурных традициях. В широком смысле феномен имеет дело не только с межкультурными вопросами, поднятыми ИКТ, но и с вопросами от СМИ, тем самым позволяя получить обширный исторический сравнительный обзор (Carullo, 2008).

Как отмечают Ребекка Уайтинг и Катрина Причард в своей публикации, дискуссия о первостепенной роли этики в Интернет-исследованиях, её планировании, формировании, организации и последующем применении, берёт начало с 1990-х гг. с разработкой формальных сводов в 2000-х гг. Исследования у авторов выявили частные категории вызовов, относящиеся к чтением и изменением публикаций, без внесения, однако, определённого вклада (Whiting, Pritchard, 2017: 7).

В первую очередь следует пояснить, что информационная этика по своей сущности определяет дальнейшие перспективы для информационного общества. Террелл Уорд Байнум полагает, что последнее в культурном плане никогда не было гомогенным, дробившись на множество мелких. По его мнению, этика процветания

заключается в прогрессе личности, что впоследствии приведёт к большей диверсификации обычаев, религий, языков и практики (Carullo, 2008).

Отсюда можно прийти к автору теории справедливости, американскому философу Джону Ролзу, подразумевающему, что порядок в этике достигается путём общественного договора, вследствие чего утверждаются ключевые принципы справедливости и её пять функций, коими являются общность, универсальность, публичность, упорядочивание конфликтующих притязаний и окончательность. Фундаментальные отличия от конвенциональной теории общественного договора заключаются в том, что договаривающиеся стороны, по мнению философа, находятся в некоем «исходном положении», подкреплённым т. н. «занавесом неведения» – слабым осознанием у индивидов определённых объективных закономерностей – и, действуя в нейтральной, анонимной и, в некотором случае, казуальной ситуации, ещё не осознают полностью собственного потенциального места в новом, справедливом обществе (Ролз, 1995).

В анализе подходов к межкультурной информационной этике у Р. Капурро одной из важных составляющих цифровой этики является конфиденциальность. Тайский специалист в области информационных технологий Крисана Китиядисай из той же работы приводит пример с Таиландом: частная категория есть пространственное распределение среди членов семьи, с учётом таких традиционных ценностей, как иерархия, вежливость и патронаж (Carullo, 2008). А по мнению Чарльза Эсса, этическое поле существует за счёт диалога и сосуществования двух тенденций – западной и восточной (Carullo, 2008). По мнению Эсса, две противоборствующие структуры стремятся не столько к дефиниции идентичности, сколько к взаимодополнению и большей организованности, функционирующей за счёт существования или допущения комплементарной лжи. Для большей реализации бинарной оппозиции Эсс использовал ноуменальный подход,

проявляющийся через категорический императив Канта, а также вопрос о несоизмеримости научных теорий Куна, возникающий при усилении противоречий. Подобный подход, как считает Эсс, укрепляет плюралистические тенденции (Sarullo, 2008).

Японский специалист в области информатики Тору Нисигаки, упоминаемый в работе Р. Капурро и исследовавший вызовы информационной этики относительно японского общества, акцентирует определённое внимание на противоречиях между западным и восточным философскими направлениями со включением субъективного понимания процессов развития информационных технологий. По мнению Нисигаки, последние «имеют сильное сходство с иудео-христианским стремлением к универсальному толкованию священных текстов». Иначе говоря, западное направление стремится утвердить универсальные категории, в то время как Восток обучает отказу от данной практики – результатом является диалектика монизма и плюрализма. Этическими нормами Нисигаки называет «шаблоны поведения», воспринимаемые наблюдателем партикулярной социальной системы. Некритический подход, который может возникнуть в результате асимметрии, приводит к перцепции этики как субъективной рефлексии и становлению «фундаментальной информатики», практические последствия которых могут быть заметны, например, в критике глобализации, исходя из всеобщего применения западной морали (Sarullo, 2008).

Л. Флориди задаёт вопрос, каким образом возможно устранение отрицательных качеств, например, при компьютерных преступлениях или вандализме (Floridi, 1999: 40). Говоря о последнем феномене, Флориди считает, что вандализм может проявляться именно в увеличении энтропии путём уничтожения объектов информационной среды, имеющей отношение к окружению. В качестве примера автор приводит мальчика, играющего на свалке, и проявляющего

свою энергию тем, что разбивает ветровые стёкла и фары старых машин камнями. Информационная этика может, с его точки зрения, объяснить сущность его действий при неэффективности других направлений, таких, как этика добродетели, деонтологизм, консеквенциализм и др. (Floridi, 1999: 54).

Однако сущность цифровой этики не может быть в полной мере направлена в один определённый вектор развития, следовательно, также имеет возможность обратиться к недостаткам, заметно варьирующимся.

Немецкий философ Фридрих Ницше в работе «Об истине и лживо-внравственном смысле» даёт собственную интерпретацию истины. Главным образом человеку, с его стороны, навязывается образ запутанного, слабого и дезориентированного по своей природе существа. Природа изменчива и непостоянна, а вместо этого человек хочет видеть всё устроенным для собственного душевного здоровья. Столкнувшись с этим затемнением, он использует интеллект, который, согласно Ницше, есть не что иное, как человеческое искусство притворяться (Ницше, 2013: 436-437).

Рассматривая проблематику истины, немецкий философ, филолог и культурный критик Фридрих Ницше полагал, что сама истина строится на основе субъективного, с использованием метафор, риторики, метонимии и т.д., а также усиления интуиции внутри начала. Ницше, противопоставляя интуиции понятие, выявил особенности и последней (Ницше, 2013: 440). Оно имеет амбивалентный характер: в первую очередь, оно намеренно пытается увести человека в мир обмана и абстракции, но, с другой стороны, его обоснование позволяет выявить «истину в себе», и с непосредственным увеличением позволяет определить мир как субъективную, антропоцентричную категорию (Ницше, 2013: 442).

Достижение истины у Ницше сопровождается иррационализмом. Так, если человек не может достичь истины, поскольку его человечность заставляет его обладать интеллектом и вместе с ним он создаёт те произвольные понятия, которые

он называет истиной, то, скорее всего, для него следует быть счастливым, ибо, согласно Ницше, рационально мыслящий человек является представителем научной позиции, концентрирующей на закономерности и предсказуемости. Этот человек навлекает на себя несчастья, так как жизнь получает непрерывный удар за другим, и таким образом, не достигнет счастья. Следовательно, сциентизм усугубляет положение, заставляя поверить в то, что люди могут достичь истины (Ницше, 2013: 445-448).

При всеобъемлющих процессах цифрового преобразования влияние вызовов может быть аналогично достоинствам. Так, цензура как один из недостатков заметна и у английского мыслителя Джона Мильтона задолго до самого цифрового пространства. В частности, он упомянул в своей работе о постепенной субъективизации контроля над информацией и последующем усилении функционирования цензуры до степени, охватывающей не только отдельные письменные работы, но и другие виды деятельности, имеющие экспрессивный инструмент, например, музыку, танцы и пиршества. Можно сказать, что в данном контексте превосходятся современные средства гиперболизированного (преувеличенного) контроля. Несомненно, в работе Джона Мильтона упоминается запрет английского парламента, затрагивающий тему публикаций разнородных книг без первичного согласия. Речь идёт о постановлении 1643 г. о предварительной цензуре публикаций, повлиявшем впоследствии и на его труд, в котором оспариваются ключевые положительные аспекты правила (Мильтон, 1997).

Говоря о проблематике цензуры в контексте взаимоотношений с английским парламентом и запретом на публикации книг, английский поэт, политический деятель и мыслитель Джон Мильтон приводит пример исторических свидетельств, отмечая, что Древняя Греция и Рим не придерживались практики лицензирования. В некоторых случаях богохульные или клеветнические сочинения сжигались, а их авторы наказывались,

но отвергались эти тексты уже после их написания, а не до. Мильтон утверждает, что работа должна быть «исследована, опровергнута и осуждена», а не запрещена до проверки. Кроме того, Джон Мильтон указывает на первоначальное введение лицензирования католиками наряду с инквизицией. Этот аргумент апеллировал к религиозным убеждениям парламента, в котором доминировали протестанты, а между последними и католиками в Англии существовали конфликты. Мильтон приводит исторические примеры последствий инквизиции, в том числе то, как в Риме в начале XIV в. произошло становление пап как тиранических лицензиаров. Например, папа Мартин V первым запретил чтение еретических книг, а затем в XVI в. аналогичные действия были предприняты Тридентским собором и испанской инквизицией, но также с учётом неблагоприятных для монахов сочинений. Мильтон считает, что это устранение работ не поможет уничтожению книг, распространяющих ложные взгляды, но в большей степени скажется на развитии учёных и изложении собственных тезисов, что приведёт к задержке мировоззрения и более крайним формам консерватизма (Мильтон, 1997).

В дополнение к вышесказанному Мильтон полагал, что люди могут учиться на их ошибках и обнаруживать то, что верно, рассматривая то, что не соответствует действительности. Что Мильтон имеет в виду, так это наделение Богом каждого человека разумом, свободной волей и совестью с целью судить об идеях самостоятельно. Следовательно, идеи в тексте должны быть отклонены по собственному выбору читателя, а не лицензирующим органом. Более того, ум не искажается просто от встречи с ложью. Мильтон указывает, что обнаружение лжи может на самом деле привести к добродетельным действиям. В качестве примера Д. Мильтон приводит обращение в веру в частном порядке, равно как и добровольное сожжение святым Павлом эфесских «магических» книг (Мильтон, 1997).

Аналогичным образом данную проблему исследовал Джон Ролз.

Практическая реализация теории справедливости, в которой раскрывается суть некоторых этических вершин, по его мнению, в конечном счёте сталкивается с проблемами эффективности, координации и стабильности, поскольку справедливость социального плана зависит от функционирования и толкования основных прав и обязанностей [8]. Дальнейшему учитыванию также подлежит аргумент касательно ограничений в репрезентации информации, создающих, по мнению Ролза, новые трудности для исходного положения, например, в осознании сущности блага (Ролз, 1995).

По утверждениям американского философа Джона Ролза, сформировавшего и утвердившего эгалитарно-либеральные взгляды в философской этической мысли, он рассматривает приобретение истины в контексте справедливости. Ролз принадлежит к традиции общественного договора, хотя его точка зрения отличается от точки зрения предыдущих мыслителей. В частности, Ролз развивает то, что он называет принципами справедливости, посредством использования приёма исходной позиции, подразумевающего, что члены общества должны определять свои принципы справедливости, находясь за «занавесом неведения». Данный «занавес» по существу скрывает от членов общества все факты о них самих, например, классовую принадлежность, умственные и творческие способности, представления о добре, а также психологические склонности отдельных индивидов, потому они не могут применять принципы справедливости в свою пользу (Ролз, 1995).

В теории справедливости основными свободами граждан, касающимися прежде всего распределения прав и свобод, являются политические свободы, свобода слова и собраний, свобода совести, свобода личной собственности и свобода от произвольного ареста. Ролз преимущественно рассматривает справедливость по отношению к социальным институтам. Это выражается в его изречении: «Справедливость – первая добродетель социальных институтов, как истина – система мысли» (Ролз, 1995).

Следуя аргументам, приведённым Ницше, можно утверждать, что ложь имеет возможность расширяться до состояния всеобъемлющего охвата. Так, Умберто Эко описывал Соединённые Штаты Америки как «страну гиперреальности». Подтверждение данного тезиса выглядит следующим образом: страна, по его мнению, нуждается во вторжении иррационального в поле реального, усиливая абсолютную ложь, что приводит к размыванию граней между игрой и непосредственно иллюзией, с усилением обмана и вовлечением людей в данные процессы. Подобная связь подтверждает необходимость во внешней инкарнации на фоне противоборств «настоящего» и «фальшивого». Копии позволяют предоставить «знак», стремящийся стать предметом, вытеснив последний и впоследствии уничтожив механику замены, одновременно обращаясь из образа в двойник. Как утверждает У. Эко, это должно привести к перцепции имеющегося объекта в среде настоящего (Эко, 2021).

Разграничением бинарных оппозиций занимался и немецкий социолог и экономист Макс Вебер, отделяя факты от ценностей. Согласно его суждениям, первые могут быть определены через бесценную объективную и социальную науку, в то время как последние передаются через безыстинные культуру и религию. Научение людей самим фактам предстаёт как комплексный процесс. Вебер считает, что в первую очередь необходимо дать возможность для процветания асимметричных тезисов, не связанных с позицией одного лица (Вебер, Наука как призвание и профессия, 1990).

В статье «Наука как призвание и профессия» М. Вебера при разграничении фактов и ценностей заметны утилитарный и эстетический подход человеческой деятельности. Первый тип характерен для объективной науки, второй – для субъективных культуры и религии. Применяя суждения к цифровой этике и используя тезис о «принесении в жертву интеллекта», следует отметить точное, детальное планирование регулятивных компонентов, имеющих не только

практическое значение для общества, но и ценностно богатое по своему содержанию (Вебер, Наука как призвание и профессия, 1990).

На этом фоне переход к процессу «маскировки» источников информации приобретает огромное значение. Р. Уайтинг и К. Причард прибегают к недостаткам у поисковых движков в контексте большого количества производных результатов, модифицирующих знак у оригинала. Авторы отмечают, что это включает в себя «изменение цитат путём перефразирования материала для того, чтобы читатели не могли идентифицировать исходный сайт, помещая текст в поисковую систему» (Whiting, Pritchard, 2017: 10).

Практическое негативное воздействие цифровой этики в отношении медиаисточников упоминается Умберто Эко. Острая реакция, касающаяся функционирования средств массовой информации, упоминается и в представлении итальянским кинорежиссёром Микеланджело Антониони фильма «Чжун Го – Китай». При попытке представления документальной картины наиболее объективным образом, с учётом, например, полемики о классовых проблемах или символических сторон, режиссёр столкнулся с массовой критикой относительно нонконформистского и незападного взгляда на жизнь внутри страны. Особенно противоречивой, по мнению Эко, является недовольство представителей Китая, имеющее дело с отображением указанных мест, несмотря на согласие от тех же лиц, а также с непосредственным присутствием их в процессе монтажа (Эко, 2021).

Диалектика истины и лжи предстаёт и в трудах немецкого философа Фридриха Ницше. Согласно его суждениям, человек с древних времён имеет стремление к познанию всего сущего, включая как материальные, так и духовные аспекты. Одним из основных желаний в отношении человека является познание истины, природа которой связана и с языковыми особенностями и противоречиями, наблюдаемыми в самой природе происхождения. Если язык утверждает

абсолютную точку зрения, то это приводит к максимальной достоверности подачи информации. С другой стороны, возникают контрасты в распределении словесных или синтаксических категорий, выходящие позднее за пределы языка, что усиливает метафоризацию. По его словам, : «Теперь именно определяется то, что отныне должно быть «истиной», изобретается одинаково употребляющееся и обязательное обозначение вещей, а законодательство языка даёт и первые законы истины: ибо теперь впервые возникает противоположность истины и лжи. Лжец употребляет ходячие обозначения и слова для того, чтобы заставить недействительное казаться действительным; например, он говорит «я богат», между тем как единственно верным обозначением его состояния было бы слово «беден». Он злоупотребляет тем, что установлено, изменяя и искажая имена» (Ницше, 1994: 437).

Итальянский семиотик Умберто Эко объясняет существующий феномен следующим образом: имеется некий дефицит лингвистической свободы, позволяющей трансформировать один код в другой, что может привести к прямому или косвенному следованию доминирующей культуре. Тем не менее, автор соглашается с очевидностью факта, согласно которому определённого рода новость своевременно разглашается одной стороной, что приводит к утечке информации и подрыву оппонента. Однако в среде массовых коммуникаций возникает обратная ситуация: суждения о т. н. «разгроме» главенствующей стороны осуществил переход потенциально побеждающей в ловушку, созданную ею же. Подобные стратегии Эко называет законами «волка» и «подружки продюсера», что позволяет вывести и закон «достоверности», нацеленный на установление веры в достоверность информации в газетах. Иначе говоря, Эко разъясняет деятельность некоторых стратегий, нацеленных на догматизм публикуемых данных (Эко, 2021).

Р. Уайтинг и К. Причард упоминают неэффективность качественного метода

в контексте проблем информации, в методологии противоборства анонимности и атрибуции (Whiting, Pritchard, 2017: 10). Проводя дискуссии о разграничении между частным и публичным, исследователи ссылаются на неоднозначность Интернет-пространства. По их утверждениям, в Сети, помимо общедоступных тезисов, имеются возможности для реализации более конкретного, что усиливает размытость между отправкой материала в открытое пространство и фиксацией актов в общественных местах (Whiting, Pritchard, 2017: 11-13). При утилизации этики, по мнению авторов, должны учитываться контекст, вопрос доступа, восприятие и поведенческие аспекты в среде участников (Whiting, Pritchard, 2017: 11-14).

Всё это так или иначе, по словам Р. Уайтинг и К. Причард, имеет отношение к феномену отсутствия или нивелирования транспарентности, связанного с немногочисленными публикациями в отношении проблематики цифровой этики и комплексностью в решении (Whiting, Pritchard, 2017: 22).

Алан Люк, концентрируясь на школьных тенденциях и вызовах молодого поколения, даёт собственный концепт, предлагая уменьшение концентраций на печатных учебниках как единственного достоверного источника информации со значительным укреплением исследований актуальных вызовов, например, слежки, конфиденциальности и имущества и детализированном обращении к цифровым коммуникациям со всеми преимуществами и недостатками, общим и частным (Luke, 2018).

Упомянув консерватизм, следует обозначить фундаменталистское отношение в китайской конфуцианской мысли, отвергающей креативный вклад в пользу вечных классических работ, которое может быть замечено у Р. Капурро (Carullo, 2008).

В то же время определённые вступительные действия, прямым или косвенным образом воздействующие на суть конфиденциальности, могут приводить к изменению контекста. Так, в контексте описания информационной

этики Л. Флориди, нарушение частных прав при помощи, например, чтения сакральных материалов других субъектов влекут за собой модификацию природы информации (Floridi, 1999: 53).

Необходимо учитывать и локальную специфику обоснования этических принципов. Рафаэль Капурро в рамках собственных исследований ссылается на сходства между концептом конфиденциальности и традиционной африканской философией, в частности, убунту. Сама идея подразделяется на два принципа – забота о других и признание гуманности в отношении других (Carullo, 2008).

Другим масштабным недостатком в исследованиях цифровой этики и цифрового пространства является разрозненность в отношении регулятивной природы отдельных ресурсов, выражающаяся в нечёткости руководств. Р. Уайтинг и К. Причард утверждают, что полноценному действию и практическому применению этики препятствует отсутствие единого, абсолютного руководства для множественных Интернет-сайтов. Это может проявляться в различных формах: от самого дефицита единого источника, вплоть до собственных интерпретаций отдельных условий использования, наряду с уже имеющимися публикациями. Дополнительно распространяется внедрение новых, уникальных по своей структуре кодов по мере обновления руководств для увеличения значимости исследований, в количественных и качественных характеристиках. Это связано с тем, что цифровые механизмы, как считают авторы, находятся на стадии зарождения и полностью не осознали свою роль, несмотря на развитие сети Интернет и появление новых форм предоставления необходимой информации (микроблоги, комментарии, видеоматериалы и т.д.) (Whiting, Pritchard, 2017).

Всё это исходит из представления, что категория типа и статуса руководства, обозначаемая авторами, репрезентирует трудности в обновлении этических руководств и исследовательских предложений, равно как и соответствующих

прав между исследователями. В случае отсутствия оригинальности подачи или иных недостатков, лица могут полагаться на отдельные заявления. Другими словами, многомерность и разрозненность этических документов усиливается со временем с учётом отдельных характеристик, природы и обозначения тезисов, что есть значимое препятствие для процесса унификации (Whiting, Pritchard, 2017).

Вопрос о наличии универсального свода регулятивных базисов, описываемого Капурро как института, допускает, в случае рационального действия на среду сети Интернет, поддержание баланса между универсальными правами и актуальными вызовами (Capurro, 2009). Подобное мнение высказывает и Лю Йо-Хуай, представляя потенциальную угрозу превращения глобальной информации в хаос (Capurro, 2008).

Лучано Флориди также обнаруживает дефицит руководств и соответствующих им принципов, что не позволяет обратить широкого внимания на антропогенную, то есть созданную человеком моральную деятельность, равно как и углубиться в диалектический характер проблем. Например, в случае использования деонтологического подхода невозможно будет в полном масштабе охватить многомерность прав, долга или моральных ценностей на основе таких сущностных явлений, как противоборство конфиденциальности и общественного контроля информации, безопасности или криптографии и т.д. (Floridi, 1999, 39).

Пессимистичный прогноз имеется у Дж. Мильтона. В случае монополии на знания, гомогенизации информации и существовании одной, «единственно правильной» концепции, обычные люди не будут иметь способности реализовать собственный потенциал, возвращая отдельную личность в первоначальное историческое состояние (Милтон, 1997).

А. Люк, ссылаясь на работы Г. Инниса и Б. Андерсона, учитывает, что с развитием общества и изучением новых каналов коммуникации возникает и потребность в существенном контроле и составлении руководств для обеспечения порядка

(Luke, 2018: 192) – совокупность принципов и обозначает основы этики, поскольку в случае отсутствия подобного института регуляция общественных отношений теряет значение (Luke, 2018: 188).

В работах Р. Капурро представлен большой дискурс среди различных авторов. Барбара Патерсон считает, что, несмотря на широкое и всеобъемлющее распространение, компьютерная этика способна на маргинализацию незападных культурных традиций и раскрывает потенциал западной, нацеленный на уничтожение или регресс в области окружающей среды. По словам Чарльза Эсса, в случае выхода западных культурных ценностей за пределы собственных рамок, имеется значительный риск трансформации компьютерно-медированной коммуникации в компьютерно-медированную колонизацию, вследствие чего локальные особенности нуждаются в существенном надзоре (Capurro, 2008).

Не следует, однако, отказываться от факта того, что цифровая этика имеет корни, исходящие от информационной этики и информационной революции, что позволяет также рассматривать её и с точки зрения производственных отношений через развитие постиндустриального общества. Проблематика взаимоотношений молодого поколения в социальных сетях, по словам Аллана Люка, равно как и поиска достоверной информации, связана с выживанием газетного бизнеса и печатных СМИ в условиях современности. Разрыв означающего и означаемого, по мнению автора, усилил диалектику медиа за счёт увеличенной и преднамеренной дезинформации и клеветы (Luke, 2018: 188-189).

Подобный тезис приводится и Харари. Он выводит, что люди современности окружены информационной перегрузкой и «бомбардировкой» фактами до такой степени, что это порождает дисбаланс, нацеленный на удовлетворение собственных, эгоистических интересов взамен достижения глобальной истины. Таким образом, по его мнению, рождается феномен «постправды» (Харари, 2019).

Вопрос того, каким образом клевета может использоваться на практике, был исследован и описан Умберто Эко. Одним из наиболее важных тезисов, по его мнению, является существование и естественное, причинно-следственное функционирование Добра и Зла. На основе сопоставления двух сторон – «мышей» и «топосов», автор рассматривает необходимость познания первостепенной причины определённого события. Нивелирование значения каузальности, подкрепляемое воздействием средств массовой информации, в конечном счёте, по мнению Эко, даёт стимулы для развития психологического фашизма, вследствие чего радикализуется борьба со Злом (абсолютным злом) и увеличивается распространение конспирологических взглядов. Подкрепление стороны ассоциируется и с внушением ужаса и тревоги (Эко, 2021).

Возвращаясь к Харари, следует отметить желание индивида касательно поиска истины: интерес проявлялся с древних времён, однако не приводил к существенным результатам, вместо этого обращая внимание на мистические, фантастические и весьма символические функции, связанные, например, с ангелами, демонами и ведьмами. Миф, как утверждает Харари, будучи другим примером, является одним из самых эффективных инструментов, имеющихся в арсенале человечества (Харари, 2019).

Репрезентация предоставленной и фактической информации встречается не только в религии и идеологии, но и в собственных, коммерческих средствах. Малый интерес, по словам Харари, к познанию истинной сущности объектов и предметов контрастирует с огромным потенциалом фиктивных историй (Харари, 2019).

У Ницше люди привыкли на протяжении многих лет сообщать ложь окружающим, несмотря на стремление общества к большей правдивости, и данное качество всё же помогает человеку лучше познать природу истины. Одним из примеров считается человек клеветы, пользующийся доверием у остальных (Ницше, 2013).

В дальнейшем Эко рассуждает относительно структуры массовой культуры с учётом семиотических аргументов. Множественные события, приведённые ранее, могут быть представлены с точки зрения диалектики культуры масс и второстепенной культуры. Первая опирается на принципы господствующей культуры, вторая является многомерной в плане герменевтики. Проблемы, на которые они опираются, связаны, по мнению Эко и одновременно со ссылкой на Фаббри, с тем, что массовая культура не имеет регуляций относительно создания текстов, а использует готовые модели с конкретными принципами, действующими на макроскопическом уровне. В работе приводится пример с радиопостановкой О. Уэллса о «вторжении марсиан», воспринятой публикой как действительное событие. «Шаблонизация» общественных отношений также действует по принципам существования дискурсивных законов и текстуальных типов, как отмечает Эко. Вновь опираясь на Фаббри, автор выводит, что из-за чрезмерного упрощения образуются *lingua franca* и колониальные языки (Эко, 2021).

Джон Мильтон, рассуждая в контексте цензуры, также упоминает уникальность работ по духовной «подаче». Глубинные знания книги могут проявляться через сосуществование формы и содержания, и это играет важную роль в комплексности и оригинальности подачи материала. Маскируясь определённым понятием или совокупностью, определённая книга вносит собственное значение, поданное под иным содержанием. Незнание данного аспекта увеличивает вероятность презрительного отношения к ней, считает Мильтон. Результатом подобной работы является радикализация детерминизма и слабое или никакое вовсе осознание роли этических постулатов (Эко, 2021).

Цифровая этика имеет недостатки, ассоциирующиеся с идентификацией. Р. Уайтинг и К. Причард видят вызов в проведении границ между цифровой жизнью индивидов и их истинной, физической жизнедеятельности (Whiting, Pritchard, 2017). Это выявляется в степени

коммуникации в среде Интернет, а также прямом или косвенном участии в полемике, включающей интенсивность или ожидания в контексте объективной деятельности, особенно в активных попытках проведения пассивного исследования (Whiting, Pritchard, 2017).

По словам Эко, при проведении исследований часто упоминается роль адресата, действующего как пассивный потребитель, в то же время практикуя признаки уклончивости и защитные механизмы, что даёт повод для т. н. «семиологической герильи», увеличивающей, например, распространение контринформации, или искажения, в телевизионной среде. Так, проведённый эксперимент, упомянутый в работе и связанный с новостью об Альдо Моро и конфликтами на религиозной и социальной почве в Вадуце, привлёк внимание публики в сторону первой, без учёта необходимости о верификации нескольких источников (интертекстуальной проверки) (Эко, 2021).

Умберто Эко также приводит один из вариантов решения вечных проблем конформизма. По его мнению, игра с механизмами гипертекста способствует уничтожению или уклонению от двух значимых репрессивных форм, которыми являются простое подчинение чужим решениям и социальная дивергенция на два класса, которыми являются писатели и читатели (Эко, 2021).

Важно отметить его слова о том, что существует некоторая концепция, реплика, положение и т. п., действующая против общепринятого мнения, фактов или, по крайней мере, здравого смысла, не является истиной, а есть софизм, но, будучи рождённой в дидактической или нравственной беседе, имеет в себе скрытый смысл, объективную реальность, которая в обязательной мере превзойдёт всё следующее распространённым взглядам. Таким парадоксальным, на его взгляд, феноменом являются афоризмы (Эко, 2021).

Ницше полагает, что познание индивидом действительности, в конечном счёте, вынуждено обращаться к объективным и естественным отношениям в природе с учётом детерминизма для

рациональной интерпретации мира (Ницше, 2013).

Джон Мильтон, рассматривая двойственную природу самой правдивости, высказывает в работе аргумент об открытой интерпретации деяний одновременно с заявлением о них, что обозначает дальнейшее развитие в дефиниции правды. Более того, это подтверждается на основе тезиса о верховном характере не столько лести, сколько самого мнения автора (Мильтон, 1997).

Получение информированного согласия в Интернет-среде может иметь значительные негативные моменты. Так, Р. Уайтинг и К. Причард ставят вопрос о непосредственно личности, у которой берут информированное согласие. В определённого рода случаях текущий вызов усиливается с учётом желания индивида оставаться анонимным, раскрыть или упоминать того под определённым псевдонимом, учитывать дополнительные разрешения от групповых сообществ, помимо владельца ресурса, а также поиск личности, с которой транслируются производные работы иными лицами (Whiting, Pritchard, 2017).

Заключение

В результате искомого исследования были подтверждены следующие гипотезы:

1) *Цифровая этика пересекается с другими областями прикладной этики и научными дисциплинами и проявляется в виде информационной этики, киберэтики и т.д.* Через многообразие взглядов и представлений, выявленных вокруг авторского поля исследования, подтверждается тезис о взаимосвязи цифровой этики с вариативными дисциплинами. В целом, цифровую этику можно представить не как единый и организованный пласт, а как совокупность отдельных идей, форм и взглядов, нашедших собственное применение в отношении каждого специализированного направления, но также имеющую связь по сходным признакам.

2) *Цифровая этика как подраздел этики имеет дело с моральными нормами,*

применяющимися к оцифровке и большим данным. Часто обсуждаемыми темами являются искусственный интеллект и алгоритмы, слежка и конфиденциальность, отношения между человеком и машиной, вопросы собственности и межкультурные коммуникации.

3) Цифровая этика и исследования в её области дают огромный пласт информации в сфере происходящих процессов и богаты в плане их последовательной

интерпретации. Для дальнейшего развития и расширения понятий и внесения нового вклада в развитие исследования ещё предстоит определить новые формы связи, нацеленные главным образом на общественное согласие, сотрудничество и дополнение, что впоследствии, с учётом неортодоксальных работ и методологий, позволит проецировать новые перспективы развития и большую устойчивость к потенциальным вызовам.

Список литературы

- Capurro R. Digital Ethics // Global Forum on Civilization and Peace. – 2009. – Т. 1. – С. 207-216.
- Capurro R. Intercultural information ethics // The Handbook of Information and Computer Ethics. – 2008. – Т. 639.
- Floridi L. Information ethics: On the philosophical foundation of computer ethics // Ethics and information technology. – 1999. – Т. 1. – №. 1. – С. 33-52.
- Luke A. Digital Ethics Now // Language and Literacy. – 2018. – Т. 20. – №. 3. – С. 185-198.
- Whiting R., Pritchard K. Digital ethics // SAGE Handbook of Qualitative Business and Management Research Methods. SAGE Publications, 2017.
- Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. – 1990. – С. 707-735.
- Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. – 1990. – С. 644.
- Мильтон Дж. Ареопагитика. Речь о свободе печати от цензуры, обращённая к парламенту Англии (1644) // Современные проблемы. – 1997. – №. 1. – С. 31-79.
- Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле // Ин-т философии. – М.: Культурная революция, 2005 – Т. 1/2: Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг. – 2013. – 480 с. – С. 433-448.
- Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирский университет, 1995.
- Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. Синдбад. – 2019. – Т. 416.
- Эко У. С окраин империи. Corpus, 2021.

Мақсат А. Садвокасов, Кульшат А. Медеуова

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Цифрлық этиканы зерттеудегі тенденциялар (заманауи зерттеулерге шолу)

Аңдатпа. Мақалада цифрлық этика феномені туралы талқылаулар берілген. Сандық этикада қолданылатын терминдер, ұғымдар, категориялар мен критерийлер қызмет ету саласына байланысты қарастырылады – ақпараттық этика, компьютерлік этика, ортодоксадды этика. Цифрлық этиканың қызмет етуінің мәдени, әлеуметтік, өндірістік, философиялық және этикалық аспектілері салыстырылады. Жеке жағдайда цифрлық этиканың тұлғааралық қарым-қатынас мәселелеріне әсері, оның ішінде цифрлық этиканы қолданудың оң және теріс сценарийлерін сипаттау арқылы қарастырылады.

Этикалық мәселелерге, әсіресе цифрлық этикаға қатысты алдыңғы, ерте, тарихи зерттеулердің, тәсілдердің, идеялардың, тұжырымдамалардың генезисі берілген. Цифрлық этикаға қолданылатын батыс және шығыс этикалық дәстүрлері арасындағы қайшылықтарды шешу жүзеге асырылды. Этикалық постулаттардың әлсіз ұйымдастырылуының мәнін ашатын кедергілер сипатталады. Әлеуметтік әл-ауқаттық мақсатында цифрлық этика бойынша

реттеуші сипаттағы қолданбалы құжаттардың бірыңғай желісінің қажеттілігі рәсімделді және іске асырылды. Сандық этикаға немесе жалпы этикаға сілтеме жасау туралы дауласуға мүмкіндік беретін адам өмірінің өзгермелі қабаттарынан әртүрлі мысалдар келтірілген. Қорытынды маңызды эволюциялық тенденциялары бар перспективалық бағыт ретінде этикалық концепцияларды дамыту туралы жасалған. Қоғам осы бағытта одан әрі зерттеу үшін пайдалана алатын әдістер, принциптер мен функциялардың сипаттамасы жүргізілді.

Түйін сөздер: цифрлық этика; ақпараттық этика; мәдениетаралық ақпараттық этика; әділдік теориясы; цифрлық кеңістік.

Maksat A. Sadvokasov, Kulshat A. Medeuova

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Tendencies in digital ethics research (overview analysis of modern research)

Abstract. The article presents discussions concerning the phenomenon of digital ethics. The terms, concepts, categories and criteria used in digital ethics are considered depending on the field of functioning – information ethics, computer ethics, and orthodox ethics. The cultural, social, industrial, philosophical and ethical aspects of the functioning of digital ethics are compared. A separate case concerning the impact of digital ethics on issues of interpersonal communication, including through the description of positive and negative scenarios for the use of digital ethics is considered.

The genesis of previous, early, historical studies, approaches, ideas, concepts, somehow affecting ethical issues, especially digital ethics, is given. The resolution of contradictions between Western and Eastern ethical traditions applied to digital ethics has been carried out. The obstacles revealing the essence of the weak organization of ethical postulates are characterized. The need for a unified network of applied regulatory documents on digital ethics for the purposes of social well-being has been formalized and recognized. Various examples from the diverse layers of human life are given, allowing us to argue about the reference to digital ethics or ethics in general. The conclusion is made about the development of ethical concepts as a promising direction with significant evolutionary trends. A description of the methods, principles, and functions which the society can use for further research in this direction has been carried out.

Keywords: digital ethics; information ethics; intercultural information ethics; theory of justice; digital space.

References

- Capurro R. Digital Ethics. Global Forum on Civilization and Peace. 2009. Vol. 1. P. 207-216.
- Capurro R. Intercultural information ethics. The Handbook of Information and Computer Ethics. 2008. Vol. 639.
- Floridi L. Information ethics: On the philosophical foundation of computer ethics. Ethics and information technology. 1999. Vol. 1. No. 1. P. 33-52.
- Luke A. Digital Ethics Now. Language and Literacy. 2018. Vol. 20. No. 3. P. 185-198.
- Whiting R., Pritchard K. Digital ethics. SAGE Handbook of Qualitative Business and Management Research Methods. SAGE Publications, 2017.
- Weber M. Nauka kak prizvanie i professiya. Izbrannye proizvedeniya [Science as a vocation and profession]. 1990 [in Russian].
- Weber M. Politika kak prizvanie i professiya. Izbrannye proizvedeniya [Politics as a Vocation and Profession. Selected Works]. 1990 [in Russian].
- Milton J. Areopagitika. Retch o svobode pechati ot tsenzury, obrashonnaya k parlamentu Anglii (1644) Sovremennye problem [Speech on Freedom of the Press from Censorship to the Parliament of England (1644) Contemporary Issues]. 1997. No. 1. P. 31-79 [in Russian].
- Nietzsche F. Ob istine i lzhi vo vnenravstvennom smysle. In-t filosofii. – Kulturnaya revolyutsiya, 2005 – Vol. 1/2: Nesvoevremennye razmyshleniya. Iz naslediya 1872-1873 gg. [On Truth and Falsehood in the Intrinsic Sense. Institute of Philosophy.]. 2013. P. 433-448 [in Russian].

- Rawls J. Teoriya spravedlivosti. Novosibirskiy universitet [A Theory of Justice], 1995 [in Russian].
Harari Y.N. 21 urok dlya XXI veka [21 Lessons for the XXI Century]. Sindbad. 2019. Vol. 416 [in Russian].
Eco U. S okrain imperii [rom the fringes of empire.]. Corpus, 2021 [in Russian].

Авторлар туралы мәлімет:

Садвокасов Мақсат Адильбекұлы – студент-бакалавр культурологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Медеуова Кульшат Агибаевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Sadvokasov Maksat Adilbekuly – undergraduate student of L.N.Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Medeuova Kulshat Agibaevna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.